

Б. Житков

Что я видел

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Б11

Б11 **Б. Житков**
Что я видел / Б. Житков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 232 с.

ISBN 978-5-458-03714-3

Эта книга - о вещах. Писал я ее, имея в виду возраст от трех до шести лет.
Читать ее ребенку надо по одной-две главы на раз.

Книжки этой должно хватить на год. Пусть читатель живет в ней и вырастает.

Еще раз предупреждаю: не читайте помногу! Лучше снова прочесть сначала.

ISBN 978-5-458-03714-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Борис Житков

ЧТО Я ВИДЕЛ

Рисунки Е. Сафоновой

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

К ВЗРОСЛЫМ

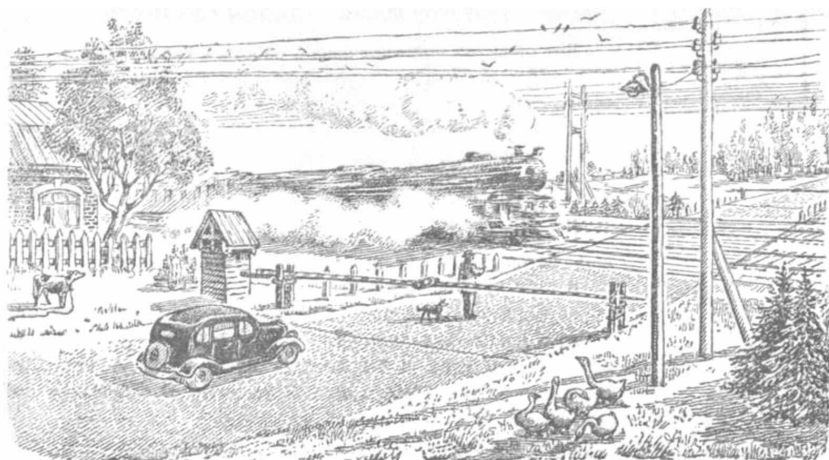
Эта книга — о вещах. Писал я ее, имея в виду возраст от трех до шести лет.

Читать ее ребенку надо по одной-две главы на раз. Пусть ребенок листает книгу, пусть рассматривает, изучает рисунки.

Книжки этой должно хватить на год. Пусть читатель живет в ней и вырастает.

Еще раз предупреждаю: не читайте помногу! Лучше снова прочесть сначала.

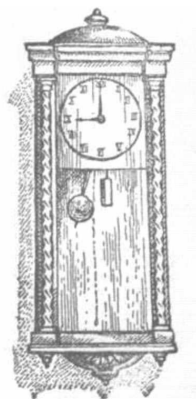
Автор

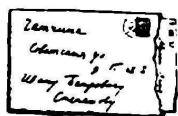

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

КАК МЕНЯ НАЗЫВАЛИ

Я был маленький и всех спрашивал: «Почему?»
Мама скажет:
— Смотри, уже девять часов.
А я говорю:
— Почему?
Мне скажут:
— Иди спать.
А я опять говорю:
— Почему?
Мне говорят:
— Потому что поздно.
— А почему поздно?
— Потому что девять часов.
— А почему девять часов?
И меня за это называли Почемучкой. Меня все так называли, а по-настоящему меня зовут Алешей.

ПРО ЧТО МАМА С ПАПОЙ ГОВОРИЛИ

Вот один раз приходит папа с работы и говорит маме:

— Пускай Почемучка уйдет из комнаты. Мне нужно тебе что-то сказать.

Мама мне говорит:

— Почемучка, уйди в кухню, поиграй там с кошкой.

Я сказал:

— Почему с кошкой?

Но папа взял меня за руку и вывел за дверь. Я не стал плакать, потому что тогда не услышу, что папа говорит.

А папа говорил вот что:

— Сегодня я получил от бабушки письмо. Она просит, чтобы ты с Алешей приехала к ней в Москву. А оттуда он с бабушкой поедет в Киев. И там он пока будет жить. А когда мы устроимся на новом месте, ты возьмешь его от бабушки и привезешь.

Мама говорит:

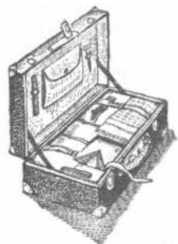
— Я боюсь Почемучку везти — он кашляет. Вдруг по дороге совсем заболит.

Папа говорит:

— Если он ни сегодня, ни завтра кашлять не будет, то, я думаю, можно взять.

— А если он хоть раз кашляет, — говорит мама, — с ним нельзя ехать.

Я все слышал и боялся, что как-нибудь кашляну. Мне очень хотелось поехать далеко-далеко.

КАК МАМА НА МЕНЯ РАССЕРДИЛАСЬ

До самого вечера я не кашлял. И когда спать ложился, не кашлял. А утром, когда вставал, я вдруг закашлял. Мама слышала.

Я подбежал к маме и стал кричать:

— Я больше не буду! Я больше не буду!

Мама говорит:

— Чего ты орешь? Чего ты не будешь?

Тогда я стал плакать и сказал, что я кашлять не буду. Мама говорит:

— Почему это ты боишься кашлять? Даже плачешь?

Я сказал, что хочу ехать далеко-далеко. Мама сказала:

— Ага! Ты, значит, все слышал, что мы с папой говорили? Фу, как нехорошо подслушивать! Такого гадкого мальчишку я все равно не возьму.

— Почему? — сказал я.

— А потому, что гадкий. Вот и все.

Мама ушла в кухню и стала разводить примус. И примус так шумел, что мама ничего не слышала.

А я ее все просил:

— Возьми меня! Возьми меня!

А мама не отвечала. Теперь она рассердилась, и все пропало!

БИЛЕТ

Когда утром папа уходил, он сказал маме:

— Так, значит, я сегодня еду в город брать билеты.

А мама говорит:

— Какие билеты? Один только билет нужен.

— Ах да, — сказал папа, — совершенно верно: один билет.

Для Почемучки не надо.

Когда я это услышал, что для меня билета не берут, я заплакал и хотел побежать за папой, но папа быстро ушел и захлопнул дверь. Я стал стучать кулаками в дверь. А из кухни вышла наша соседка — она толстая и сердитая — и говорит:

— Это еще что за безобразие?

Я побежал к маме. Бежал и очень плакал.

А мама сказала:

— Уходи прочь, гадкий мальчишка! Не люблю, кто подслушивает.

А вечером папа приехал из города и сразу меня спросил:

— Ну, как ты? Кашлял сегодня?

Я сказал, что «нет, ни разу».

А мама сказала:

— Все равно — он гадкий мальчишка. Я таких не люблю.

Потом папа вынул из кармана спичечную коробку, а из коробки достал не спичку, а твердую бумажечку. Она была коричневая, с зеленой полоской, и на ней буквы всякие.

— Вот, — сказал папа, — билет! Я на стол кладу. Спрячь, чтобы потом не искать.

Билет был всего один. Я понял, что меня не возьмут.

И я сказал:

— Ну, так я буду кашлять. И всегда буду кашлять и никогда не перестану.

А мама сказала:

— Ну что же, отладим тебя в больницу. Там на тебя наденут халатик и никуда пускать не будут. Там и будешь жить, пока не перестанешь кашлять.

КАК СОБИРАЛИСЬ В ДОРОГУ

А на другой день папа сказал мне:

— Ты больше никогда не будешь подслушивать?

Я сказал:

— А почему?

— А потому, что коли не хотят, чтобы слышал, значит тебе знать этого не надо. И нечего обманывать, подглядывать и подслушивать. Гадость какая!

Встал и ногой топнул. Со всей силы, наверное.

Мама прибежала, спрашивает:

— Что у вас тут?

А я к маме головой в юбку и закричал:

— Я не буду подслушивать!

Тут мама меня поцеловала и говорит:

— Ну, тогда мы сегодня едем. Можешь взять с собой игрушку. Выбери, какую.

Я сказал:

— А почему один билет?

— А потому, — сказал папа, — что маленьким билета не надо. Их так возят.

Я очень обрадовался и побежал в кухню всем сказать, что я еду в Москву.

А с собой я взял мишку. Из него немножко сыпались опилки, но мама быстро его зашила и положила в чемодан. А потом купили яиц, колбасы, яблок и еще две булки. Папа вещи перевязал ремнями, потом посмотрел на часы и сказал:

— Ну что же, пора ехать. А то пока из нашего поселка до города доедем, а там еще до вокзала...

С нами все соседи прощались и приговаривали:

— Ну вот, поедешь по железной дороге в вагончике... Смотри не вывались.

И мы поехали на лошади в город. Мы очень долго ехали, потому что с вещами. И я заснул.

ВОКЗАЛ

Я думал, что железная дорога такая: она как улица, только внизу не земля и не камень, а такое железо, как на плите, гладкое-гладкое. И если упасть из вагона, то о железо очень больно убьешься. Оттого и говорят, чтобы не вылетел. И вокзала я никогда не видал.

Вокзал — это просто большой дом. Наверху часы. Папа говорит, что это самые верные часы в городе. А стрелки такие большие, что — папа сказал — даже птицы на них иногда садятся. Часы стеклянные, а сзади зажигают свет. Мы приехали к вокзалу вечером, а на часах все было видно.

У вокзала три двери, большие, как ворота. И много-много людей. Все входят и выходят. И несут туда сундуки, чемоданы, и теньки с узлами очень торопятся.

А как только мы подъехали, какой-то дяденька в белом фартуке подбежал да вдруг как схватит наши вещи! Я хотел закричать «ой», а папа просто говорит:

— Носильщик, нам на Москву, восьмой вагон.

Носильщик взял чемоданы и очень скоро пошел прямо в двери. Мама с корзиночкой за ним даже побежала. Там, в корзиночке, у нас колбаса, яблоки, и еще, я видел, мама конфеты положила.

Папа схватил меня на руки и стал догонять маму. А народу так много, что я потерял, где мама, где носильщик. Из дверей вверх пошли по лесенке, и вдруг большая-большая комната. Пол каменный и очень гладкий, а до потолка так ни один мальчик камнем не добросит. И всюду круглые фонари. Очень светло и очень весело. Все очень блестит, и в зеленых бочках стоят деревья, почти до самого потолка. Они без веток, только наверху листья большие-большие и с зубчиками. А еще там стояли красные блестящие шкафчики. Папа прямо со мной к ним пошел, вынул из кармана деньги и в шкафчик в щелочку закинул деньги, а внизу в окошечко выскочил беленький билетик.

Я только сказал:

— Почему?

А папа говорит:

— Это касса-автомат. Без такого билета меня к поезду не пустят вас провожать.

КАКАЯ ПЛАТФОРМА

Папа быстро пошел со мной, куда все шли с чемоданами и узлами. Я смотрел, где мама и где носильщик, но их нигде не было. А мы прошли в дверь, и там у папы взяли билет и сказали:

— Проходите, гражданин.

Я думал, что мы вышли на улицу, а здесь сверху стеклянная крыша. Это самый-то вокзал и есть. Тут стоят вагоны гуськом, один за другим. Они друг с другом сцеплены — это и есть поезд. А впереди — паровоз. А рядом с вагонами шел длинный пол.

Папа говорит:

— Вон на платформе стоит мама с носильщиком.

Этот длинный пол и есть платформа. Мы пошли. Вдруг мы слышим — сзади кричат:

— Поберегись! Поберегись!

Мы оглянулись, и я увидел — едет тележка, низенькая, на маленьких колесиках, на ней стоит человек, а тележка идет сама, как заводная. Тележка подъехала к маме с носильщиком и остановилась. На ней уже лежали какие-то чемоданы. Носильщик быстро положил сверху наши вещи, а тут мы с папой подошли, и папа говорит:

— Вы не забыли? Восьмой вагон.

А сам все меня на руках держит. Носильщик посмотрел на папу, засмеялся и говорит:

— А молодого человека тоже можно погрузить.

Взял меня подмышки и посадил на тележку, на какой-то узел. Папа крикнул:

— Ну, держись крепче!

Тележка поехала, а мама закричала:

— Ах, что за глупости! Он может свалиться! — и побежала за нами.

Я боялся, что она догонит и меня снимет, а дяденька, что стоял на тележке, только покрикивал:

— Поберегись! Поберегись!

И тележка побежала так быстро, что куда там маме догнать!

Мы ехали мимо вагонов. Потом тележка стала. Тут подбежал наш носильщик, а за ним папа, и меня сняли.

У вагона в конце — маленькая дверка, и к ней ступеньки, будто крылечко. А около дверки стоял дядя с фонариком и в очках. На нем курточка с блестящими пуговками, вроде как у военных. Мама ему говорит:

— Кондуктор, вот мой билет.

Кондуктор стал светить фонариком и разглядывать мамин билет.

КАК Я ПОТЕРЯЛСЯ

Вдруг, смотрю, по платформе идет тетя, а на цепочке у ней собака, вся черная, в завятушках, а на голове у собаки большой желтый бант, как у девочки. И собака только до половины кудрявая, а сзади гладкая, и на хвостике — кисточка из волосиков. Я сказал:

— Почему бантик?

И пошел за собакой. Только немножечко, самую капельку прошел. Вдруг слышу сзади:

— А ну, поберегись!

Не наш носильщик, а другой, прямо на меня везет тачку с чемоданами. Я скорей побежал, чтобы он меня не раздавил.

Тут много всяких людей пошло, меня совсем затолкали. Я побежал искать маму. А вагоны все такие же, как наш. Я стал плакать, а тут вдруг на весь вокзал — страшный голос:

— Поезд отправляется... — и еще что-то. Так громко, так страшно, будто великан говорит.

Я еще больше заплакал: вот поезд сейчас уйдет, и мама уедет! Вдруг подходит дядя военный, в зеленой шапке, наклонился и говорит:

— Ты чего плачешь? Потерялся? Маму потерял?

А я сказал, что мама сейчас уедет. Он меня взял за руку и говорит:

— Пойдем, мы сейчас маму сыщем.

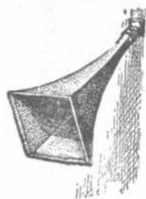
И повел меня по платформе очень скоро. А потом взял на руки.

Я закричал:

— Не надо меня забирать! Где мама? К маме хочу!

А он говорит:

— Ты не плачь. Сейчас мама придет.

И принес меня в комнату. А в комнате — тетеньки. У них мальчики, девочки и еще совсем маленькие на руках. Другие игрушками играют, лошадками. А мамы там нет. Военный посадил меня на диванчик, и тут одна тетя ко мне подбегает и говорит:

— Что, что? Мальчик потерялся? Ты не реви. Ты скажи: как тебя зовут? Ну, кто ты такой?

Я сказал:

— Я Почемучка. Меня Алешей зовут.

А военный сейчас же убежал бегом из комнаты.

Тетенька говорит:

— Ты не плачь. Сейчас мама придет. Вон смотри, лошадка какая хорошенькая.

КАК Я НАШЕЛСЯ

Вдруг я услышал, как на весь вокзал закричал опять этот великанский голос:

— Мальчик в белой матросской шапочке и синею курточке, Алеша Почемучка, находится в комнате матери и ребенка.

— Вот, слышишь? — говорит тетенька. — Мама узнает, где ты, и сейчас придет.

Все девочки и мальчики вокруг меня стоят и смотрят, как я плачу. А я уже не плачу. Вдруг двери открылись: прибегает мама.

Я как закричу:

— Мама!

А мама уже схватила меня в охапку. Тетенька ей скорей дверь открыла и говорит:

— Не спешите, еще время есть.

Смотрю — и папа уже прибежал.

А мама говорит:

— Хорошо, что по радио сказали. А то бы совсем голову потеряла.

А папа говорит:

— С ума сойти с этим мальчишкой!

Мама прямо понесла меня в вагон и говорит дяденьке кондуктору:

— Нашелся, нашелся...

